

ШПІОНЫ и ШПІОНКИ.

ШПІОНЫ И ШПІОНКИ.

Составил АЛЬБИОНОВЪ.

КРАСАВИЦА ШПІОНКА.

Рассказъ французскаго офицера.
(Къ рисунку на обложкѣ).

Съ героиней моего приключенія я познакомился на одномъ изъ официальныхъ баловъ, ежегодно даваемыхъ президентомъ республики.

Я, въ чинѣ капитана, былъ прикомандированъ къ развѣдочному бюро военнаго министерства и не пропускалъ ни одного изъ этихъ баловъ, будучи завязанымъ танцоромъ и обладая юнымъ и горячимъ сердцемъ, романтически-влюбчивымъ и пылкимъ, бившимся подъ форменнымъ доломаномъ съ золотыми звѣздочками.

Я не помню, кто меня представилъ этой дамѣ.

Не помню даже, представилъ ли кто-нибудь.

Единственно, что у меня осталось въ памяти, это — что мы съ нею танцевали первый же вальсъ.

Вся въ бѣломъ, высокая, она обращала на себя особое вниманіе странными глазами, освѣщавшими свѣтло-голу-

бымъ блескомъ ея матово-блѣдное лицо и производившими такое впечатлѣніе, какъ если бы они были заимствованы ею у какой-либо другой красавицы.

Протанцовавъ вальсъ, мы прошли въ одинъ изъ сосѣднихъ небольшихъ и уютныхъ салоновъ и принялись весело болтать о всевозможныхъ вещахъ.

Оказалось, что моя дама — американка, овдовѣвшая и богатая; ее зовутъ Люси Барроу и у нея нѣтъ никакихъ

родственниковъ и очень мало знакомыхъ въ Парижѣ, такъ что она живетъ вполне независимой жизнью, слѣдуя капризамъ своей изящной головки со странными глазами блондинки...

Послѣ этого бала мы стали видѣться часто, очень часто...

Жаркое лѣто стояло въ Парижѣ, и по вечерамъ мы часто отправлялись подышать свѣжимъ воздухомъ въ какой-нибудь изъ отдаленныхъ уголковъ Булонскаго лѣса.

Наша коляска двигалась медленно вдоль аллей, освѣщенныхъ блѣднымъ свѣтомъ газовыхъ рожковъ, серебрившимъ матовую и пыльную зелень деревьевъ.

Опьяненный пробудившимся во мнѣ чувствомъ, я рассказывалъ очаровательной своей спутницѣ, о всѣхъ своихъ надеждахъ и увлеченіяхъ, обо всемъ, что волновало мое сердце...

Иногда, подъ покровомъ опускавшейся ночной темноты съ моихъ устъ срывались полупризнанія, которыя на другой день при блескѣ солнечныхъ лучей и особенно при блескѣ насмѣшливыхъ огоньковъ ея голубыхъ глазъ, казались мнѣ безумно смѣлыми, невозможно дерзкими.

Германскій шпіонъ втерся въ довѣріе къ англійскому химику, изобрѣтателю взрывчатыхъ веществъ, и дѣлаетъ послѣднія усилія, чтобы узнать секретъ важнаго военнаго изобрѣтенія.

Прусскій шпіонъ въ Вогезахъ съ опасностью для жизни карабкается по отвѣснымъ скаламъ съ цѣлью узнать расположеніе французскихъ партизанскихъ отрядовъ, прячущихся въ горныхъ пещерахъ и оттуда дѣлающихъ внезапныя нападенія на нѣмцевъ.

А она улыбалась, насмѣшливая, вполнѣ владѣющая собою, великолѣпная въ своемъ спокойствіи.

Впрочемъ, когда мною овладѣвало отчаяніе, когда я доходилъ до безумныхъ угрозъ и падалъ къ ея ногамъ съ мольбами безпретѣльной любви — она умѣла находить слова нѣжности и утѣшенія.

И послѣ того я уходилъ отъ нея еще болѣе влюбленнымъ, чѣмъ раньше...

— Потерпите немного, — вырвалось у нея однажды, — потерпите!

И сладкой музыкой звучали въ мо-

емъ сознаніи эти слова, которыя я непрестанно повторялъ себѣ, тщетно стараясь передать имъ очаровательную интонацію...

Она съ большимъ вниманіемъ и участіемъ разспрашивала меня о моихъ занятіяхъ, о моей службѣ, и это участіе такъ меня трогало, что я рассказывалъ ей обо всемъ, или почти обо всемъ...

Однажды ночью, когда я трудился надъ составленіемъ одной очень важной и секретной бумаги, ко мнѣ постучались.

Я вскочилъ изъ-за стола, заваленнаго планами мобилизаціи и другими секретными документами, которыя мнѣ нужно было на другой же день представить самому министру и, быстро застегнувъ доломанъ, бросился къ дверямъ.

— Кто тамъ?..

За дверями послышался серебристый смѣхъ, а знакомый, насмѣшливый голосокъ проговорилъ:

— Отворите, господинъ офицеръ, и вы увидите — кто! Или, можетъ быть, вы боитесь?..

Я открылъ двери: это была Люси. Она, какъ ребенокъ, была восхищена моимъ смущеніемъ и съ первыхъ же словъ заявила:

— Итакъ, я — у васъ! Я пришла сдать... — пришла сдать на милость моего побѣдителя...

Предоставлю вашему воображенію дорисовать, что послѣдовало за этими словами...

«Дневной свѣтъ пробивался уже сквозь шторы, когда я внезапно проснулся, точно отъ какого-то толчка, и тотчасъ же вспомнилъ:

— Надо везти работу къ министру!..

Повернувъ голову, чтобы взглянуть на Люси, я похолодѣлъ отъ ужаса: она исчезла!

Сквозь щели дверей, которыя вели въ мой рабочій кабинетъ, пробивался еще свѣтъ лампы.

Я сразу вскочилъ на ноги и бросил-

ся къ дверямъ, которыя распахнулъ однимъ движеніемъ руки...

Плѣнительная красавица сидѣла за моимъ письменнымъ столомъ, сверкая бѣлизной своего очаровательнаго тѣла, мало прикрытаго ночнымъ костюмомъ...

Она работала: ея рука быстро бѣжала по бумагамъ.

Очевидно — снималась копія моего секретнѣйшаго доклада...

— Шпіонка! — крикнулъ я внѣ себя отъ негодованія.

Она вскочила со стула и выпрямилась, глядя прямо мнѣ въ глаза своими холодными, голубыми глазами.

— Сейчасъ же отдайте всѣ бумаги! — приказалъ я.

Она не пошевелинулась, а въ голубыхъ глазахъ засвѣтилось такое презрѣніе, такой дерзкій вызовъ, что я потерялъ голову и бросился на нее.

Началась безобразная борьба...

— О, дорогой мой! — пробормотала она, изнемогая и падая на землю.

Я не обращалъ вниманія на эту женщину, которая подарила мнѣ столько минутъ счастья и наслажденія и которая теперь, покрытая синяками, исцарапанная, въ изорванной рубашкѣ, валялась на пыльномъ полу моего кабинета.

Лихорадочно я просматривалъ и пересчитывалъ бумаги, лежавшія на моемъ столѣ.

Слава Богу! Всѣ оказались въ цѣлости и на лицѣ...

Мой деньщикъ постучался въ двери, чтобы, по обыкновенію, разбудить меня.

— Господинъ офицеръ! — заговорила молящимъ полусшепотомъ американка, — господинъ офицеръ, отпустите меня!..

— Пойди, позови полицейскаго комиссара, — приказалъ я деньщику...

Черезъ часъ Люси Барроу, оказавшаяся, какъ я узналъ впоследствии германской шпіонкой, уходила изъ моего кабинета въ сопровожденіи полицейскихъ.

ВО ВЛАСТИ ГЕРМАНСКИХЪ ШПІОНОВЪ.

СЕНСАЦИОННЫЙ РАЗСКАЗЪ-ФАКТЪ.

Въ комнатѣ, выкрашенной въ бѣлую краску, не стояло никакой мебели, кромѣ тяжелаго дубоваго стола, двухъ стульевъ и кровати. Окно было забрано толстой рѣшеткой.

На постели лежалъ человѣкъ въ полномъ одѣяніи, скорчившись въ неудобной позѣ.

— Господи! — зѣвнулъ онъ.

Онъ схватился рукой за лобъ и съ отчаяннымъ видомъ началъ раскачиваться взадъ и впередъ.

Онъ сползъ съ постели и, шатаясь, подошелъ къ окну. Минуту или двѣ онъ смотрѣлъ въ него.

— Странно! — промолвилъ онъ. — Что за чертовщина!

Онъ направился къ массивной двери, у которой не было ручки, и налегъ на нее плечемъ; потомъ медленно отошелъ на середину комнаты, озабоченно почесывая затылокъ.

Это былъ молодой англичанинъ, хорошо одѣтый, съ наружностью воспи-

таннаго и богатаго джентльмена и веселымъ, жизнерадостнымъ лицомъ.

— Что такого могъ я натворить вчера, что привело меня сюда? — сказалъ онъ. — Это тюрьма, по всей видимости. — На этотъ разъ мы попались, мой мальчикъ! — обратился онъ къ самому себѣ. Считайте себя посрамленнымъ, Джонъ Аддерлей!

Въ этотъ моментъ снаружи раздались шаги, дверь отворилась и въ комнату вошелъ пожилой господинъ въ очкахъ, низкаго роста, сгорбленный и съ добрымъ привѣтливымъ выраженіемъ лица.

— Господи помилуй! — вскричалъ онъ, останавливаясь въ изумленіи. — Вы здѣсь, Аддерлей?

— Профессоръ! — удивленно сказалъ тотъ.

— Это въ высшей степени необычайно! — промолвилъ старый джентльмэнъ.

— Я въ полномъ недоумѣніи. Гдѣ мы?

— Этого я не могу сказать вамъ даже и приблизительно.

— Вотъ это славно!

Они дружно обернулись къ двери, откуда раздался стукъ засововъ.

— Благодарю! — промолвилъ юноша. — Что касается меня, — спокойно продолжалъ онъ, — то я припоминаю только, что я ужиналъ въ клубѣ и внезапно страннымъ образомъ опьянѣлъ. Двое человѣкъ любезно подсадили меня въ кэбъ и больше я ничего не помню, кроме того, что пять минутъ тому назадъ проснулся на этой кровати, чувствуя себя отвратительно. Но очевидно я велъ себя неприлично, иначе я не былъ бы тутъ.

— Правда, — задумчиво согласился профессоръ. — Правда...

— Но вы то какъ попались, профессоръ? Я не ожидалъ этого отъ васъ. Я искренно сконфуженъ за васъ.

— Если бы это было такъ, я заслуживалъ бы строгаго осужденія, — возразилъ профессоръ. — Но вы сами знаете, что я очень воздержанный человѣкъ. И я твердо убѣжденъ, что и вы тоже не были пьяны вчера вечеромъ. Могу я спросить васъ: вы одни ужинали?

— Да. Но потомъ — теперь я припоминаю это — я разговаривалъ съ двумя иностранцами, приличными малыми, и мы распили вмѣстѣ бутылку вина.

— Они же и помогли вамъ сѣсть въ кэбъ?

— Теперь, когда вы сказали это, мнѣ кажется, что это были они.

— И сѣли съ вами?

— Я... я не увѣренъ. Я заснулъ мертвымъ сномъ.

— Ну такъ позвольте мнѣ сказать вамъ, что эти люди опоили васъ, чтобы сдѣлать своимъ плѣнникомъ.

— Еще что! — недоумѣнно разсмѣялся Аддерлей. — Вѣдь мы, какъ будто, въ двадатомъ вѣкѣ!

— И все же я вполне увѣренъ, что я правъ.

— Но отчего, скажите на милость?

Профессоръ серьезно посмотрѣлъ на него.

— Вы должны были бы знать... — молвилъ онъ.

Аддерлей вскочилъ на ноги и уставился на него изумленными глазами.

— Истребитель! — воскликнулъ онъ.

— Послушайте, — сказалъ профессоръ, садясь и указывая на другой стулъ. — Вчера вечеромъ, въ четвергъ, я прочелъ свою лекцію въ Институтѣ Молекулярныхъ Исслѣдованій и возвратился домой въ обычный часъ, около четверти одиннадцатаго. Какъ вы знаете, передъ моимъ домомъ есть большой и темный садъ. При входѣ въ него на меня неожиданно съ ожесточеніемъ накинулись двое людей, оглушили ударомъ по головѣ, а потомъ захлороформировали меня, но неумѣло. Благодаря этому, мнѣ удалось отчасти сохранить сознание и запомнить, что было дальше. Меня поспѣшно перевезли на моторѣ куда-то за Кройдонъ и тамъ усадили внутри аэроплана новѣйшей конструкціи. Мнѣ связали руки и ноги, но забыли завязать глаза. Сквозь стеклянный полъ я, несмотря на темноту, могъ приблизительно уловить направленіе, по которому мы двигались. Англія скоро осталась позади и мы долго летѣли надъ моремъ; потомъ быстро понеслись надъ спящей, хорошо обработанной, страной.

Нѣмецкіе шпіоны подъ видомъ англійскихъ техниковъ проникли на англійскій заводъ аэроплановъ и изучаютъ чертежи новѣйшихъ аппаратовъ.

Между тѣмъ, разсвѣтало все больше и больше и наконецъ мы спустились здѣсь, около этой повидимому уединенной тюрьмы на опушкѣ густого, темнаго лѣса. Мнѣ дали поѣсть и привели сюда, къ вамъ. Съ вами, очевидно, случилось такое же удивительное приключеніе?

Аддерлей перегнулся черезъ столъ и слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Не въ обиду вамъ будь сказано, профессоръ, — замѣтилъ онъ, — вы не дурачите меня, говоря, что мы за нѣсколько сотъ миль отъ Англіи?

— Это истинная правда, другъ мой.

— Что же это значитъ, по вашему?

— Только одно: мы въ рукахъ враговъ Англіи, въ рукахъ нѣмцевъ.

Аддерлей откинулся на спинку стула и сунулъ руку въ карманъ за портсигаромъ.

— Въ такомъ случаѣ мы можемъ ожидать интересныхъ событій, — молвилъ онъ и, вставъ, началъ безцѣльно бродить по комнатамъ.

— А какъ насчетъ Бальдвина? — спросилъ онъ, останавливаясь у окна.

— Я уже думалъ о немъ, — отвѣтилъ профессоръ. — Я бы не удивился, если бы они и ему оказали свои услуги.

— Вы совершенно правы, — сказалъ въ этотъ моментъ Аддерлей. — Вонъ какъ разъ Бальдвинъ идетъ черезъ дворъ и съ нимъ стража съ ружьями и обнаженными штыками.

— Боже мой! — сказалъ профессоръ, вставая, чтобы посмотреть. — Это дѣйствительно очень странно.

— Теперь они поймали троихъ насъ,

— засмѣялся Аддерлей. — Что же они намѣрены дѣлать съ нами?

— Объ этомъ я тоже думаю, — молвилъ профессоръ. — Для меня непостижимо, какимъ образомъ они узнали, что мы трое были сообщниками. Ихъ система шпіонства, должно быть, замѣчательна по своему устройству и распространенію.

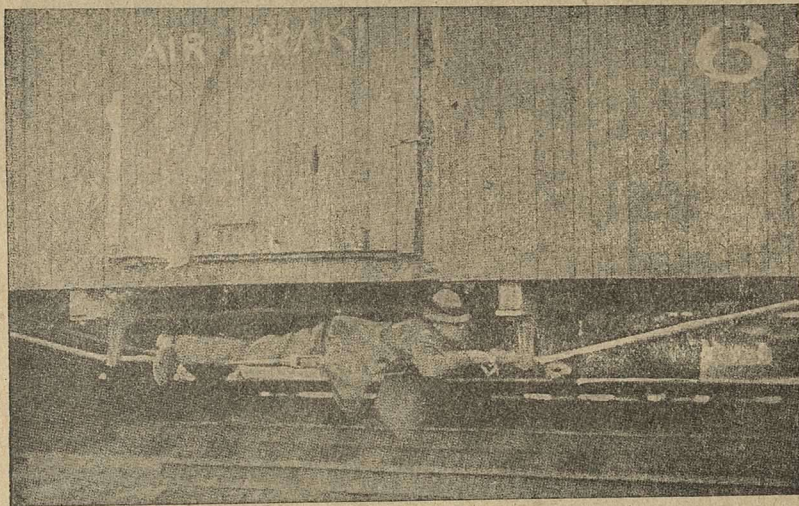
— Безъ сомнѣнія, да. Смотрите! Вотъ и Бальдвинъ.

Снова раздался лязгъ отодвигаемыхъ засововъ. Дверь распахнулась и вошелъ маленькій, проворный человѣкъ съ крупными губами, одѣтый въ рабочую куртку и запятнанный жиромъ брюки и штиблеты. Съ перваго взгляда было ясно, что онъ представлялъ собой продуктъ новаго порядка вещей: существо, чье сердце и голова были сосредоточены на механикѣ и машинахъ.

Австрійскій шпіонъ на крышѣ дома въ которомъ происходитъ важное совѣщаніе офицеровъ главнаго штаба.

Прусскій шпіонъ путешествуетъ «инкогнито» на рессорахъ англійскаго воинскаго поѣзда. (Былъ пойманъ, судимъ и разстрѣлянъ).

— Халло, вы двое!—сказалъ онъ.— Они спали и васъ точно такъ же?

— Мы налицо!—весело отвѣтилъ Аддерлей.

— Они доставили меня сюда на моемъ собственномъ 220-силномъ Коршунѣ. Вообразите ихъ безстыдство! Но они извлекли изъ него всего сто сорокъ, тогда какъ онъ даетъ добрыхъ двѣ сотни, если имъ управлять, какъ слѣдуетъ.

— Они охотятся за нашимъ истребителемъ, старина. Никакого сомнѣнія тутъ быть не можетъ.

— Шш! — предостерегающе произнесъ профессоръ.— Дверь открыта.

Бальвинъ быстро направился къ окну и внимательно осмотрѣлъ желѣзныя перекладины рѣшетки. Онъ обернулся на звукъ приближающихся шаговъ. Вошли четыре солдата и, взявъ ружья къ ногѣ, стали по двое съ каждой стороны двери. Вслѣдъ за ними появился высокій, широкоплечій человѣкъ въ штатскомъ, съ бѣлокурыми усами, закругленными кверху и щетинистыми волосами. Онъ учтиво поклонился и съ холодной, слащавой улыбкой обратился къ тремъ англичанамъ:

— Джентльмены, я долженъ глубоко извиниться передъ вами за безлокойство, которому вы подверглись. Если вы будете добры удѣлить мнѣ ваше вниманіе, я объясню вамъ причины моего поступка. До меня дошло, джентльмены, что вы трое являетесь участниками изобрѣтенія новаго ужаснаго аппарата-истребителя, который автоматически будетъ находить всѣ аэропланы, находящіеся поблизости отъ него, и въ то же время направлять на нихъ орудіе, такъ что однимъ нажатіемъ кнопки они могутъ быть уничтожены. Я не могу открыть вамъ источникъ моихъ свѣдѣній, но не думаю, чтобы вы стали отрицать этотъ фактъ. Это изобрѣтеніе вы предложили Британскому правительству. Я хочу самъ купить это изобрѣтеніе. Поэтому я предлагаю вамъ вашу собственную цѣну за изобрѣтеніе.

— Какъ бы то ни было, мы не понимаемъ, о чемъ вы говорите,—сказалъ ему Бальвинъ.

— Простите, вы принуждаете меня къ дальнѣйшимъ подробностямъ. Вы, профессоръ Мейзонъ, дали идею этого открытія. Мистеръ Бальвинъ осуществилъ ее, а мистеръ Аддерлей, пользующійся вліяніемъ въ Военномъ Департаментѣ, представилъ планы лицамъ компетентнымъ. Развѣ это не такъ?

— Если это такъ,—возразилъ Бальвинъ,—и если, какъ вы говорите, планы въ ихъ рукахъ, что толку обращаться къ намъ за ихъ покупкой? Ступайте къ Британскому правительству, вотъ гдѣ мѣсто переговоровъ.

— Простите еще разъ. Вы слишкомъ предусмотрительны, чтобы изложить все, что вы знаете, на бумагѣ. Безъ вашей помощи и объясненій планы неприменимы на практикѣ.

Старуха—прусская шпіонка подъ видомъ кухарки поступила въ домъ французскаго офицера генеральнаго штаба и задушила его съ цѣлью овладѣть планомъ мобилизаціи.

— Но откуда вы то знаете это?

— Вы должны извинить меня, если я умолчу объ этомъ.

— Я всегда говорилъ, — вставилъ Аддерлей,—что шпіоны найдутся даже въ самыхъ уединенныхъ уголкахъ страны.

Профессоръ сдѣлалъ ему знакъ представить бесѣду Бальвину.

— Кто вы такой, сэръ?—рѣзко спросилъ тотъ.

— Вы можете называть меня полковникомъ Иксъ.

— Ладно. Кто бы вы ни были, васъ постыдно обманули. И я бы посоветовалъ вамъ немедленно вернуть мнѣ моего Коршуна, чтобы мы могли вернуться въ Англію, не затрудняя васъ болѣе своимъ присутствіемъ. Я человѣкъ занятой, смѣю увѣрить васъ. И у меня найдется дѣло кромѣ того, чтобы выслушивать всю эту нелѣпую чушь.

— Вы заставляете меня быть еще болѣе обстоятельнымъ,—отвѣтилъ полковникъ Иксъ, нисколько не смутившись.—По причинамъ, для васъ важнымъ, передача изобрѣтенія должна состояться безъ всякаго промедленія. Такъ что, если вы будете продолжать быть неблагодарными, если вы откажетесь войти въ переговоры по продажѣ, я принужденъ буду прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ, которая доставитъ мнѣ величайшее огорченіе. Я прикажу вывести васъ во дворъ этой тюрьмы и разстрѣлять. Приготовленія уже сдѣланы.

Полковникъ издалъ короткое приказаніе. Солдаты бросились впередъ; двое изъ нихъ схватили Аддерлея за руки, а двое другихъ приставили штыки къ его горлу. На лицахъ ихъ была написана безжалостная рѣшимость.

— Не защищайтесь, Аддерлей,—спокойно посоветовалъ Бальвинъ.

— Я протестую!—крикнулъ профессоръ, вскакивая съ волненіемъ.—Освободите этого джентльмена. Вы, сэръ...

— Джентльмены,—продолжалъ полковникъ,—я серьезно предупреждаю васъ, что если вы не согласитесь на мое предложеніе, то вашего молодого друга выведутъ во дворъ и казнятъ—благодаря вашему упорству.

— И вашему невыразимому безчеловѣчю!—кинулъ ему профессоръ.

Полковникъ Иксъ неожиданно вынулъ револьверъ и прицѣлился въ Бальвина, который приближался къ нему проворной, тигровой походкой.

— Станьте у окна,—вѣжливо приказалъ онъ.—Отсюда вы сможете видѣть то, что происходитъ на дворѣ. Здѣсь вамъ представится послѣдняя возможность спасти вашего друга. Я буду держать въ рукахъ платокъ. Если вы махнете своимъ, я буду знать что вы перемѣнили намѣреніе. Если упадетъ мой, мистеръ Аддерлей окончитъ свою жизнь.

Бальвинъ, стиснувъ зубы, двинулся къ окну. Профессоръ упалъ на стулъ, закрывая лицо руками.

— Вонъ онъ тамъ,—сказалъ Бальвинъ.—Они поставили его къ стѣнѣ и завязали ему глаза. Тамъ шесть человѣкъ съ ружьями... Аддерлей стоитъ твердо и прямо. Полковникъ отдаетъ приказанія, и сейчасъ взглянетъ сюда.

Профессоръ вскопился въ паническомъ ужасѣ и, шатаясь, подбѣжалъ къ окну.

— Мы смотримъ на отважный подвигъ, профессоръ,—сказалъ Бальвинъ.

—Смотримъ на смерть, если хотите. Вы думаете я лишу его этого? За нимъ наступить и наша очередь...

Профессоръ закрылъ глаза руками. Раздался залпъ. Изъ груди Бальвина вырвалось продолжительное, свистящее а-хъ! Онъ прислонился къ рѣшеткѣ глядя сквозь нее со свирѣпой энергіей. Профессоръ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

— Мы видѣли, какъ надо умирать,— сказалъ Бальвинъ, и въ эту минуту дверь снова открылась и вошли полковникъ и солдаты, державшіе ружья на прицѣлѣ.

— Вы видѣли, джентльмэны?—спросилъ полковникъ.

— Теперь, вѣроятно, моя очередь,— просто сказалъ профессоръ.

— Васъ не принуждаютъ, сэръ. Какъ фанатично упрямы вы всѣ, англичане! Я куплю это изобрѣтеніе за вашу собственную цѣну—за миллионъ фунтовъ стерлинговъ, если хотите— и только вы двое раздѣлите эту сумму. Подумайте прежде, чѣмъ рѣшать опрометчиво. Потомъ не будетъ возврата, какъ вы знаете.

— Послѣ того, тамъ, на дворѣ?— сказалъ ему Бальвинъ съ жесткимъ смѣхомъ.—Вы не знаете насъ, пріятель. Продолжайте вашу бойню.

— Уведите этого чловѣка!—распорядился полковникъ, указывая на профессора.

Полковникъ остался въ комнатѣ. Завторивъ дверь, онъ быстрой крадущейся походкой приблизился къ Бальвину.

— Теперь послушайте,—прошепталъ онъ.—Тѣ двое ничего не значили. Это вы главное лицо. Никто не узнаетъ о нашемъ договорѣ. Вы легко можете убѣдить Британское правительство, что опыты съ вашимъ открытіемъ не оправдали ожиданій. Подумайте, что такое миллионъ фунтовъ стерлинговъ для васъ—лучшаго аэронавта Европы! Мы обставимъ всѣми удобствами вашу работу тутъ. — Бальвинъ обернулся къ нему съ насмѣшливой улыбкой.—Подумайте!—продолжалъ полковникъ.—Отъ васъ зависитъ спасти жизнь профессора: мнѣ стоитъ только подать знакъ изъ окна.

Онъ подошелъ къ окну, слѣдя за Бальвиномъ горящими глазами. Выраженіе лица Бальвина измѣнилось. Онъ тытиливо оглянулся назадъ.

— Подите сюда,—махнулъ ему полковникъ.

Бальвинъ подошелъ и остановился рядомъ съ нимъ, слѣдя за направлениемъ его протянутой руки.

— Если я уроню мой платокъ,—сказалъ полковникъ,—вашъ другъ перестанетъ жить. Какой вашъ отвѣтъ?

Совершенно незамѣтно рука Бальвина скользнула въ карманъ сюртука его собесѣдника.

— А? Что вы сказали? — спросилъ онъ.

— Какой вашъ отвѣтъ?

— Вотъ какой! — крикнулъ Бальвинъ, внезапно отступая съ револьверомъ полковника, крѣпко зажатымъ въ правой рукѣ.—Стойте смирно!—пригрозилъ онъ.—Если вы опустите руку...

Подъ вліяніемъ удивленія и неожиданнаго испуга полковникъ выпустилъ изъ рукъ платокъ.

— Проклятіе! — воскликнулъ Бальвинъ.

Снаружи раздался обрывистый залпъ. Полковникъ прыгнулъ назадъ и, какъ

Прусскій шпіонъ на крышѣ поѣзда, въ которомъ ѣдутъ французскіе офицеры генеральнаго штаба. (Пойманъ и судимъ по законамъ военнаго времени).

котъ, съежился въ углу. Бальвинъ быстро прицѣлился и выстрѣлилъ.

— Одинъ для васъ,—сказалъ онъ.

Онъ выстрѣлилъ еще разъ и полковникъ упалъ впередъ, хватая воздухъ руками.

Бальвинъ быстро повернулся. Дверь распахнулась и въ комнату вбѣжали солдаты со сверкающими штыками и свирѣпымъ выраженіемъ на лицахъ. Онъ выстрѣлилъ дважды—направо и налево — съ смертоносной точностью. Двое упали. Остальные отвѣтили недружными выстрѣлами.

Бальвинъ упалъ, прижимая рукой сердце и дико смѣясь сквозь зубы. Онъ съ усиліями приподнялся на локтѣ и насмѣшливымъ жестомъ указалъ на себя пальцемъ.

Нѣмецкій шпіонъ, узнавъ о своемъ арестѣ стрѣляется на балу въ Бордо, куда проникъ съ дочерью подъ видомъ эльзасцевъ.

— Всѣ впередъ! — съ торжествомъ крикнулъ онъ.

Они побѣжали на него съ опущенными штыками.

НАПОЛЕОНЪ и испанская шпіонка.

Историческій рассказъ-фактъ.

Солнечный шаръ сильно склонился къ западу, освѣщая своими багряно-золотистыми лучами небольшой шатеръ, возвышавшійся на одномъ изъ холмовъ Коруньи. Внутри шатра, за столомъ, накрытымъ краснымъ сукномъ, на краяхъ котораго ярко выдѣлялись шитыя золотомъ буквы «N», сидѣлъ императоръ Франціи. Суровыя морщинки бровей на его сосредоточенномъ, угрюмомъ, безстрастномъ лицѣ не предвѣщали ничего добраго. Въ тотъ день ему пришлось убѣдиться, что не одни только французы умѣютъ дорого продавать свою жизнь.

«Эти каналы—испанцы—сражаются, какъ дьяволы»,—думалъ онъ.

Ни звука. Лишь скрипъ пера быстро бѣгавшей по листамъ бумаги руки, да журчанье сыплющагося изъ песочницы и стряхиваемаго съ бумаги золотистаго песка нарушали по временамъ тишину шатра; а извнѣ изрѣдка доносился окрикъ часовыхъ да монотонные шаги караульныхъ.

— Кто идетъ?—раздался вдругъ голосъ часового.

Наполеонъ нетерпѣливо оторвалъ свой взоръ отъ бумагъ: до его слуха донеслось «*passé*» часового. Черезъ минуту входная пола шатра распахнулась, и, побрякивая оружіемъ, весь въ пыли, со шляпой въ рукахъ, съ закаленнымъ отъ битвъ и пуль тѣломъ и сердцемъ, великій маршалъ Ней предсталъ передъ императоромъ.

— Развѣ ты не видишь, Ней, что я занятъ?

Английские полисмэны выслѣживаютъ прусскаго шпиона, который подъ видомъ англійскаго художника, ухитрился зарисовывать рельефы укрѣпленій.

— Государь! Иногда полезно быть слѣпымъ.

Едва замѣтная улыбка скользнула по лицу Наполеона.

— Ну, что скажешь?

— Въ траншеяхъ пойманъ шпионъ, испанецъ.

— Ага! Кой-какія бумаги?

— Да, государь, на немъ найдены эстафеты, посланные вами вчера вече-

ромъ генералу Сульту. Курьеръ, вѣр- сятно, убитъ.

— Првратности войны, Ней! Кто поймалъ шпиона?

— Рядовой изъ императорскихъ гвардейцевъ, государь!

Ней приблизился къ императору и шепнулъ ему что-то на ухо.

— Невозможно, Ней!

— Нѣтъ ничего невозможнаго на войнѣ, государь,—отвѣтилъ Ней, оска- ливъ немного зубы.

— Пришли ко мнѣ солдата и шпиона.

Ней удалился и спустя минуту воз- вратился въ сопровожденіи гвардейца и шпиона, котораго вели два солдата. Наполеонъ знакомъ отправилъ послѣд- нихъ.

Шпионъ былъ одѣтъ въ мундиръ французскихъ стрѣлковъ. Его юное и красивое лицо было блѣдно.

Наполеонъ быстро окинулъ своимъ пытливымъ взоромъ сначала шпиона, затѣмъ поймавшаго его солдата.

— Твое имя?—спросилъ онъ послѣд- няго.

— Карлъ Эмиль, изъ гвардейцевъ вашего величества.

— Гдѣ ты поймалъ шпиона?

— Во рву, выкопанномъ вчера, гдѣ, вѣроятно, онъ лежалъ спрятаннымъ со вчерашняго вечера. Сегодня, во время схватки съ испанцами, онъ не выдер- жалъ и крикнулъ что-то по-испански. Это выдало его: наши кинулись ко рву; я приблизилъ первымъ и схватилъ его.

— Довольно.

Наполеонъ вперилъ свой взглядъ въ шпиона.

— Ну-съ, господинъ шпионъ,— ска- залъ онъ съ язвительнымъ презрѣні- емъ,—ты, по всей вѣроятности, гово- ришь по-французски. Что ты скажешь?

Слабый вздохъ молодой, измученной груди былъ ему отвѣтомъ.

— Подай сюда бумаги.

Дрожащей рукой шпионъ указалъ на маршала Нея.

— Бумаги у меня, государь,—сказалъ Ней и положилъ ихъ на расprostertую на столѣ карту Европы.

— Ты убилъ посланнаго съ этими эстафетами?—спросилъ Наполеонъ.

Дрожь пробѣжала по тѣлу шпиона. Едва слышнымъ шепотомъ онъ отвѣ- тилъ:

— Нѣтъ, государь.

— Кто же?

— Онъ упалъ съ лошади, подстрѣ- ленный шальной пулей. Я находился вблизи, подбѣжалъ и завладѣлъ бума- гами.

— А затѣмъ?

— Я нашелъ дорогу къ француз- скимъ траншеямъ.

— И безъ всякой посторонней по- мощи? Что, дорогой шпионъ?—Тебѣ несомнѣнно, извѣстна участь пойман- ныхъ шпионовъ?

Послѣдній лишь пожалъ слегка пле- чами, но его блѣдное лицо не выражало ни малѣйшаго оттѣнка страха за свою судьбу. При видѣ неподвижнаго, невоз- мутимо молчавшаго блѣднаго юноши, молніеносный ястребный взглядъ вели- каго полководца злобно заблестѣлъ. «Эти испанскія собаки храбры, какъ черти»,—промелькнуло въ его головѣ.

— Думаю, что ты не увидишь болѣе восхода солнца,—сказалъ онъ вслухъ.

Лицо шпиона не выражало ничего, кромѣ усталости.

Въ теченіе цѣлой минуты Наполеонъ съ большимъ напряженіемъ вглядывал- ся въ его черты, какъ бы желая припо- мнить что-то. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Твои черты напоминаютъ мнѣ ко- го-то, кого я зналъ много лѣтъ назадъ, и мы, кажется, гдѣ-то встрѣтились, но при другихъ обстоятельствахъ. Твое имя?

Но вмѣсто отвѣта лишь слабый вздохъ.

— Твое имя?!!—повторилъ Наполе- онъ голосомъ, который заставилъ встре- пенуться даже угрюмолицаго, безстраш- наго «героя сотни сраженій»,—храбраго маршала Нея.

— Валонъ,—отвѣтилъ шпионъ.

— Что-то знакомое. Отвѣчай на мои вопросы. Кто твой отецъ?

— Капралъ Валонъ, нынѣ умершій.

— Былъ онъ когда-нибудь въ Нантѣ?

— Былъ, государь.

— Да, это было въ 1792 году, во время французской революціи, когда по служебнымъ обязанностямъ одинъ мо- лодой артиллерійскій лейтенантъ нахо- дился тамъ...—ты слушаешь меня, шпи- онъ?

— Да, государь.

— Этотъ лейтенантъ,—продолжалъ императоръ,—сильно заболѣлъ лихо- радкой; за нимъ, какъ мать за своимъ ребенкомъ, ухаживалъ одинъ капралъ, у котораго была одна съ тобой фами- лія. Благодаря его усерднымъ заботамъ лейтенантъ выздоровѣлъ. Въ призна- тельность за такую услугу лейтенантъ обѣщалъ капралу быть крестнымъ от- цомъ его перваго ребенка. Слыхалъ ты когда-нибудь отъ капрала Валона объ этомъ?

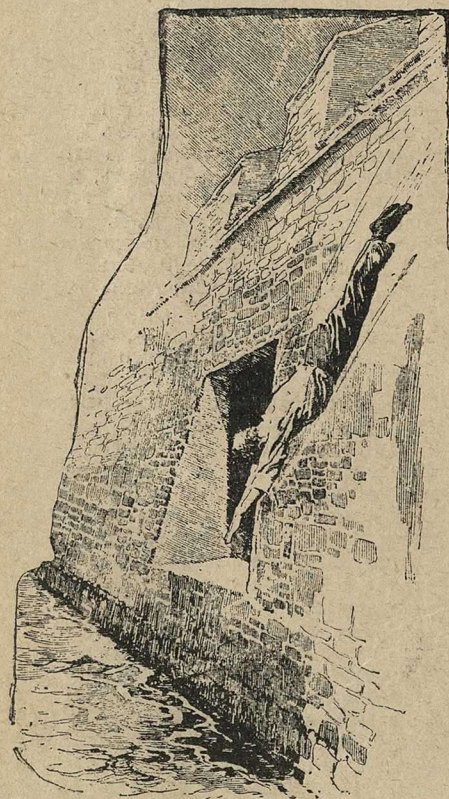
Шпионъ дрожалъ.

— Отвѣчай!—холодно приказалъ На- полеонъ.

— Государь! Я неоднократно слы- халъ изъ устъ моего отца о томъ, какъ онъ ухаживалъ за больнымъ лейтенан- томъ, котораго онъ спасъ отъ смерти, и которому, по словамъ отца, суждено будетъ править могущественнымъ го- сударствомъ.

— Такъ, онъ говорилъ. А затѣмъ?

— Мой отецъ потерялъ лейтенанта изъ виду.

Нѣмецкій шпионъ проникнувъ во фран- цузскую крѣпость и собравъ важныя свѣ- дѣнія бросается въ крѣпостной ровъ съ цѣлью бѣжать къ своимъ.

— Да, но сдержалъ ли лейтенантъ свое обѣщаніе?

— Да, государь. Мой отецъ женился на испанкѣ, и лейтенантъ былъ крестнымъ отцомъ перваго и единственнаго ребенка моего отца.

— Такъ. Лейтенантъ ни разу не нарушалъ своего слова, хотя,—прибавилъ онъ угрюмо,—и нарушилъ миръ и спокойствіе миллионѣвъ...

Солдатъ, все время равнодушно стоявшій, задрожалъ, вдругъ, какъ осенній листъ; мертвенная блѣдность покрыла его загорѣлое лицо, и глазами, полными смертельнаго страха, смотрѣлъ онъ то на Наполеона, то на шпіона.

— Шпіонъ! Ты знаешь, гдѣ теперь тотъ лейтенантъ?—спросилъ вдругъ Наполеонъ тономъ, въ которомъ прозвучала едва замѣтная нотка состраданія. Отвѣта не послѣдовало.

Наполеонъ поднялся и сдѣлалъ шагъ ближе къ шпіону:

— Онъ передъ тобою — императоръ Франціи.

— О, государь, государь!—взмолился вдругъ шпіонъ, опустившись на одно колѣно.

— Молчать! — сказала Наполеонъ,—мой долгъ, какъ императора, приказываетъ мнѣ заглушить въ себѣ чувства крестнаго отца, и ты, мой крестникъ-шпіонъ, долженъ быть разстрѣлянъ съ закатомъ солнца. Таковъ неумолимый законъ войны!

Съ этими словами Наполеонъ приблизился къ шпіону, все еще преклонявшемуся передъ императоромъ, и быстрымъ, едва замѣтнымъ движеніемъ сорвалъ съ его головы парикъ... и длинная коса чудныхъ черныхъ волосъ распалась и покрыла блѣдное, красивое лицо молодой Мари Валонъ, дочери капрала Валона и крестницы великаго Наполеона...

Не будучи болѣе въ силахъ выдержать наплывъ душевныхъ волненій, она дала волю своимъ женскимъ чувствамъ: слезы горести и отчаянія покатались ручьемъ изъ ея прекрасныхъ, большихъ глазъ, при судорожномъ вздрагиваніи всего тѣла. При видѣ отчаянія молодой дѣвушки, даже угрюмый маршалъ Ней отвернулъ свое суровое, закаленное въ битвахъ лицо, по которому невольно покатались первая и, быть можетъ, единственная слезинка жалости его зачерствѣлой души.

— О, государь, государь!—крикнулъ вдругъ молодой гвардеецъ, бросившись передъ императоромъ на колѣни:—помилуй, сжапись надъ ней, государь! Мари Валонъ—моя невѣста, моя будущая жена. Изъ состраданія къ несчастнымъ она добровольно согласилась ухаживать за ранеными испанцами. Ради ея отца, который ухаживалъ за тобой, государь, смилуйся надъ ней! Одно лишь слово, мой государь!

Въ глазахъ непреклоннаго императора заблестѣла искорка сожалѣнія.

— Довольно!—крикнулъ онъ, — довольно! Образуемся.

Въ мгновеніе ока молодой гвардеецъ стоялъ опять на вытяжку.

— Mademoiselle! — сказала императоръ,—вѣрно ли то, что сказалъ этотъ молодой солдатъ?

Всхлипыванья на минуту прекратились.

— Вѣрно, государь!—едва внятнымъ голосомъ произнесла дѣвушка.

— Встаньте, mademoiselle!—сказала

Англійскій сыщикъ, попавшій по оплошности въ руки германскихъ шпіоновъ, за которыми слѣдилъ. Былъ звѣрски убитъ ими. Шпіоны пойманы и наказаны по заслугамъ.

императоръ,—лишь передъ однимъ Богомъ должны вы преклонять колѣни.

Дѣвушка поднялась. Наполеонъ обратился къ Ней.

— Какъ страненъ свѣтъ, Ней, но еще страннѣе наша жизнь: и война, и миръ, и ненависть, и любовь тѣснѣе связаны между собою, чѣмъ мы думаемъ, а?

— Къ несчастью, такъ, государь!—отвѣтилъ угрюмо Ней.

— Какимъ образомъ вы сдѣлались шпіономъ, mademoiselle?

— Государь!—сказала она,—я предложила свои услуги своей родинѣ и удостоилась чести быть принятой: меня назначили ухаживать за больными и ранеными, а такъ какъ я говорю по-французски, какъ французъ, то...

Великій полководецъ вдругъ перебилъ дѣвушку своимъ обычнымъ холоднымъ, безстрастнымъ голосомъ:

— Маршалъ Ней! Эмиль! Mademoiselle! Ко всему тому, чему вы были здѣсь свидѣтелями — ваши уши глухи, ваши глаза слѣпы и ваши уста нѣмы. Замѣьте, mademoiselle, я требую вашего слова, что ни подъ какимъ видомъ вы не выдадите то, что здѣсь произошло и произойдетъ.

— Я обѣщаю, государь!

— Хорошо. Надѣньте вашъ парикъ. Парикъ былъ надѣтъ.

— Теперь надѣньте мою шляпу.

Съ этими словами Наполеонъ подаль ей свою треуголку, которую она молодцовато надѣла на голову. Затѣмъ императоръ снялъ висѣвшій въ углу шатра плащъ, украшенный большой серебряной звѣздой, той самой звѣздой, которая была такъ хорошо извѣстна всей Франціи, и собственноручно помогъ дѣвушкѣ надѣтъ его.

— Такъ, — сказалъ онъ, — всуньте правую руку сюда, подъ лѣвую пазуху, вотъ такъ, — Видишь, Ней, — обратился съ улыбкой императоръ къ маршалу — изъ mademoiselle вышелъ хорошій Наполеонъ...

Ней что-то промывалъ подъ носъ.

— А теперь,—продолжалъ императоръ,—вотъ вамъ мой добрый советъ,

mademoiselle: бросьте игру въ шпіоны, вамъ въ ней не везетъ. Собственно, черезъ нѣсколько минутъ вамъ слѣдовало бы быть разстрѣлянной, но... я вашъ крестный отецъ. Вашъ отецъ спасъ мнѣ мою жизнь,—дарю вамъ и я вашу. Становится темно... Въ этомъ костюмѣ вы можете смѣло пройти ряды, не боясь быть остановленной... Постѣшите къ вашимъ товарищамъ, братьямъ. А это

Австрійскій шпіонъ въ Бѣлградѣ подъ видомъ оборванца собирающій свѣдѣнія о передвиженіи сербскихъ войскъ.

Английскій сыщикъ выслѣживаетъ прусскую шпіонку, подъ видомъ бонны проникшую въ семью англійскаго изобрѣтателя военныхъ приборовъ, съ цѣлью украсть цѣнные чертежи.

примите отъ меня, какъ свадебный подарокъ вашего крестнаго отца.

Съ этими словами императоръ подалъ ей шелковый вязаный кошелекъ, туго набитый червонцами.

— А теперь—bon voyage! Маршъ!

Съ граціознымъ салютомъ шпіонъ легко повернулся и медленнымъ, но смѣлымъ шагомъ оставилъ императорскій шатеръ...

— Ma foi, Ней, — замѣтилъ императоръ, — изъ нея вышелъ бы прекрасный солдатъ, — затѣмъ, обратясь къ молодому гвардейцу: — Ты женишься на храброй женщинѣ, к а пр а л ь Эмиль, ты въ отставку! Маршъ!

И императоръ снова, какъ ни чѣмъ не бывало, углубился въ свою работу.

Телефонъ и военный шпіонажъ.

Большая часть научныхъ открытій и техническихъ изобрѣтеній, оказывая неоцѣнимыя услуги человечеству, является въ то же время могучимъ орудіемъ въ рукахъ злонамѣренныхъ элементовъ общества, которые торопятся использовать ихъ для тѣхъ или иныхъ преступныхъ цѣлей.

Такъ, послѣ изобрѣтенія телеграфа часто, особенно въ военное время ловкіе спекулянты стали «перехватывать» важныя свѣдѣнія, сообщаемыя по телеграфной проволоцѣ, устраивая для этого въ укромныхъ имъ однимъ извѣстныхъ мѣстахъ настоящія телеграфныя станціи, которыя присоединялись ими затѣмъ къ главной линіи.

Разумѣется, эти потайные пункты для «перехватыванія» тѣхъ или иныхъ телеграфныхъ сообщений устраивались, да и теперь устраиваются гдѣ-нибудь въ открытомъ полѣ, вдалекѣ отъ теле-

графныхъ станцій, куда рѣдко заглядываютъ чины надзора и гдѣ слѣдовательно всего меньше можно опасаться быть пойманными.

Присоединивъ свой аппаратъ къ главной линіи, преступникъ имѣетъ возможность контролировать всѣ идущія по ней свѣдѣнія, списывать себѣ нужныя ему депеши, пускать ихъ дальше, добавляя къ нимъ съ злостными цѣлями ложныя сообщенія и т. д.

Прежде такія продѣлки удавались довольно часто, но въ настоящее время представители военныхъ и торговыхъ интересовъ слѣдвались болѣе осторожными и посылаютъ нужныя имъ депеши, заключающія въ себѣ важныя для нихъ свѣдѣнія, не иначе, какъ съ обратной проверкой.

Благодаря такому приему, можно по отвѣту почти всегда судить, дошла ли телеграмма въ неискаженномъ видѣ или же она подмѣшана ложными сообщеніями.

Поддѣлка депешъ въ городскомъ районѣ случается весьма рѣдко.

Это объясняется съ одной стороны густотою здѣсь телеграфной сѣти, что затрудняетъ отысканіе линіи, по которой идетъ депеша, а съ другой — передача свѣдѣній (напримѣръ, предписаніе о выплатѣ той или иной суммы опредѣленному лицу, что всего больше интересуетъ злоумышленниковъ) обставляется такими формальностями, что поддѣлать депешу развѣ въ пору какому-нибудь телеграмному чиновнику, знакомому со всѣми подробностями телеграфныхъ операций.

Но даже и въ послѣднемъ случаѣ успѣхъ зависитъ отъ цѣлой массы постороннихъ, внѣшнихъ условий, о которыхъ здѣсь не стоитъ распространяться.

За послѣднія двадцать лѣтъ у телеграфа явился могучій конкурентъ — телефонъ.

Теперь говорящему на далекое разстояніе лицу и его собесѣднику слѣдуетъ страшиться послѣдняго изобрѣтенія техники — фонографа, съ помощью котораго злонамѣренные люди могутъ записать весь разговоръ, отъ перваго слова до послѣдняго.

Передаваемая по телефону свѣдѣнія могутъ быть точно такъ же «перехвачены», какъ и телеграфныя сообщенія: стоитъ только, вмѣсто телеграфной, устроить телефонную станцію, соединить ее съ желаемой линіей, и дѣло сдѣлано.

Установивъ тамъ же и фонографъ, можно быть увѣреннымъ въ точномъ воспроизведеніи всего подслушаннаго разговора.

Для тайнаго подслушанія чужихъ разговоровъ существуютъ различныя приемы; всѣ они служатъ могучимъ орудіемъ въ рукахъ недобросовѣстныхъ людей.

Телефонный шпіонажъ съ каждымъ годомъ все болѣе входитъ въ моду и имъ охотно пользуются въ торговыхъ и военныхъ кругахъ; въ послѣднее время и чины полиціи, и слѣдственные власти также стараются такимъ путемъ получать нужныя имъ при раскрытіи преступленій свѣдѣнія.

Извѣстно, что «перехватываніе» телеграфныхъ и телефонныхъ сообщений оказалось во время послѣдней русско-японской войны неоцѣнимыя услуги японцамъ.

Именно этимъ путемъ получали они наиболѣе цѣнныя для нихъ свѣдѣнія о ближайшихъ планахъ или передвиженіяхъ своего врага.

Японцы впрочемъ долго и систематически готовились къ этой войнѣ и успѣли предусмотрѣть все, что только отъ нихъ зависѣло.

Аппараты, которыми пользовались для этихъ цѣлей японцы, представляють собою настоящее чудо техники.

Эти такъ называемыя микрофоны чувствительны къ самымъ тихимъ, едва слышимымъ звукамъ; воспринявъ ударъ звуковой волны, они передаютъ звукъ за звукомъ полученныя впечатлѣнія подземному кабелю, находящемуся въ соединеніи съ ними, и слово, сказанное въ комнатѣ гейши, долетаетъ до слуха тѣхъ, которые находятся далеко и кому надлежитъ слышать.

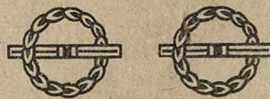
Эти аппараты, назначеніе которыхъ улавливать звуки и передавать ихъ на любое разстояніе, бываютъ различной конструкціи.

Взять, напримѣръ, хотя бы телефонографъ.

Аппаратъ этотъ представляетъ собою соединеніе фонографа съ телефономъ и съ точностью передаетъ всякій звукъ, оттѣнокъ каждаго инструмента, тембръ человеческого голоса со всѣми его нюансами.

На ряду съ телефонографомъ въ самое послѣднее время появился еще одинъ новый аппаратъ, назначеніе котораго усиливать звуки; онъ въ случаѣ надобности присоединяется извѣстнымъ образомъ къ микрофону, и тогда голосъ лица, говорящаго на далекомъ отъ насъ разстояніи, звучитъ исключительно отчетливо, точно оно находилось бы рядомъ съ вами.

Между прочимъ, нельзя не удивляться тому огромному количеству микрофоновъ, которое за одинъ годъ удалось продать одной крупной нѣмецкой фирмѣ; фабрика эта за прошлый годъ поставила свыше двухсотъ тысячъ «подслушивающихъ» аппаратовъ; нѣкоторые изъ нихъ устроены такъ ловко, что зрительно невозможно догадаться объ ихъ существованіи: напримѣръ, аппаратъ скромно укрывается за картиною самаго невиннаго содержанія.

ШПІОНЫ СРЕДИ НАСЪ.

Организація всеобщаго шпіонажа у нѣмцевъ.

Германскіе подданные могутъ отбывать воинскую повинность не въ полку, а въ предѣловъ родины, въ качествѣ... любознательныхъ туристов!

— Гансъ Мюллеръ, въ какой части арміи желаете вы отбывать воинскую повинность?

— Въ шпіонской!

И Гансъ Мюллеръ ѣдетъ во Францію, въ Бельгію или въ Россію.

Одни избираютъ профессію бродячихъ музыкантовъ, другіе разѣзжаютъ, какъ комми-вояжеры какой-нибудь торговой фирмы.

Они спуютъ изъ города въ городъ, главнымъ образомъ, въ пограничныхъ пунктахъ и крѣпостныхъ районахъ, вынюхиваютъ и высматриваютъ.

Большинство изъ нихъ, конечно, не имѣетъ никакого представленія о стратегіи и не обнимаетъ умомъ своихъ задачъ.

Но центральному вѣдомству шпіонажа нужны и тѣ мелкія подробности, которыя замѣчаютъ Гансы-музыканты.

Ихъ десятки тысячъ, «солдатъ-ищекъ», отбывающихъ свой долгъ передъ отечествомъ такимъ, поистинѣ, специфически-прусскимъ манеромъ!

Передъ своими они не скрываются и профессіи своей не стыдятся—вѣдь, они служатъ «фатерлянду».

Такова психологія нѣмца, и въ этомъ причина странной неприязни къ нѣмцу, общей у всѣхъ европейскихъ народовъ.

Что и говорить, — коль скоро существуетъ милитаризмъ и возможность войны, военный шпіонажъ является дѣломъ важнымъ и нужнымъ.

Но для этого особаго дѣла всѣ страны ищутъ особыхъ людей.

Въ дни войны шпіонство связано съ рискомъ, отвагой, почти самопожертвованіемъ.

Но въ мирное время для этого достаточно хитрости, пронырливости и... жадности.

И ни одно государство кромѣ Германіи уважая своихъ гражданъ, не налагаетъ на нихъ шпіонскихъ обязанностей, обходясь «спеціальными» людьми.

Нѣмецкій шпіонъ въ Калишѣ.

Мѣсто дѣйствія—Калишская губернія, Ленчицкій уѣздъ, гмина Подембиче, мѣстность Хропы.

Здѣсь въ глухомъ, не лишенномъ живописности уголкѣ находится водяная мельница.

Хозяинъ ея — нѣкій Рудольфъ Хайманъ—нѣмецъ и завзятый германоманъ.

Отѣвшійся сытый паукъ.

Громоздокъ, неуклюжъ, влюбленъ въ себя, въ свои вонючія сигары, довольный своимъ пивомъ, своими сосисками, словомъ, нѣмецъ съ головы до ногъ.

Не успѣлъ Прейскеръ со своей разбойничьей бандой войти въ Калишъ, Хайманъ поспѣшилъ ему навстрѣчу.

Оказались они старыми пріятелями.

Мельникъ, онъ же—владѣлецъ большаго участка земли, нѣсколько дней провелъ въ обществѣ нѣмецкихъ офицеровъ.

И, очевидно, не безъ пріятности.

Разумѣется, сообщилъ имъ все, что знаетъ, а знаетъ онъ—весьма и весьма многое.

Пьянствовалъ вмѣстѣ съ ними и пьяный вернулся домой.

Вернулся не съ пустыми руками, а съ «гостинцемъ».

Это была—цѣлая партія винтовокъ, револьверовъ и съ большимъ запасомъ патроновъ.

Еще во хмелю, нѣмецъ хвасталъ пріѣхавшимъ на мельницу крестьянамъ:

— Вотъ... когда придутъ сюда наши, я самъ, Рудольфъ Хайманъ, буду имъ помогать. О, я знаю, кого надо здѣсь поубивать... У меня уже готовъ списокъ всѣхъ подозрительныхъ людей. Мы ихъ уже приговорили. Наши не любятъ шутить. Нѣмцы—серьезная, великая нація. Вотъ они сколько народу въ Калишѣ перебили. И это—еще только начало... Дальше не-то будетъ!..

Мужикамъ не понравились такіе рѣчи, у нихъ было сильное желаніе схватить это обнаглѣвшее животное и выдать его русскимъ властямъ.

Но Хайманъ какъ бы проникъ въ ихъ планъ.

— Если вы вздумаете меня выдать, —горе вамъ!.. Нѣмцы близко, ихъ разѣды въ нѣсколькихъ верстахъ... А вы уже, надѣюсь, слышали о Прейскерѣ. Онъ велитъ сжечь ваши хаты, а васъ, вмѣстѣ съ вашими женами и дѣтьми, переколетъ, какъ рождественскихъ свиной и поросятъ. Кстати, онъ васъ и не называетъ иначе, какъ сельскими свиньями... О, это голова—Прейскеръ...

Въ слѣдующій разъ, уже совершенно трезвый, Хайманъ держался скромнѣе;

Австрійскіе шпіоны въ Бѣлградѣ крадутся къ пороховому погребу съ цѣлью взорвать его.

Германскій шпіонъ проникъ въ подвалъ Лондонскаго военнаго министерства, гдѣ и былъ схваченъ въ то время, когда разрушалъ потолокъ съ цѣлью добраться до важныхъ документовъ.

тонъ его былъ увѣщательный. Такъ звать его къ дѣтскому благонавію:

— Наши вездѣ побѣждаютъ, противиться имъ и глупо и невыгодно. Встрѣчайте ихъ съ покорностью и все будетъ хорошо. И земли у васъ будетъ больше, и вы станете богаче... И, кромѣ того, нѣмцы создадутъ вамъ настоящую Польшу. И короля получите,—одного изъ сыновей императора Вильгельма. Честь какая!..

Мужики, покидая мельницу, говорили между собою, смѣясь:

— Ото пся кровь, швабское быдло! Чекай; шпидонъ россияне, то добже достанешъ въ д... э!..

Дѣйствительно, связи у Хаймана съ калишскими висѣльниками установились тѣсныя.

Все это вмѣстѣ сплетается въ какой-то омерзительный клубокъ.

Рудольфъ Хайманъ вовсе не одинокъ.

Такихъ Рудольфовъ Хаймановъ разсѣяно видимо-невидимо и въ Царствѣ Польскомъ и въ Юго-Западномъ краѣ.

Ихъ тьма-тьмушая.

Нѣмецкій шпіонъ подъ Варшавой.

Германскій шпионъ подъ видомъ англичанина старается въ тавернѣ собрать свѣдѣнія о передвиженіи англійскихъ войскъ.

Заподозривъ неладное, Д. тихо прокрался на пасѣку.

Старикъ, склонившись надъ ульемъ, съ кѣмъ-то громко разговаривалъ. Д. поползъ обратно и, явившись въ роту, рассказал о своихъ подозрѣніяхъ офицеру.

Послѣдній, захвативъ съ собою его и нѣсколькихъ солдатъ, окружилъ ферму.

Фермеръ перетрусилъ и хотѣлъ бѣжать.

Старика задержали и съ фонарями обыскали пасѣку, причемъ въ одномъ изъ ульевъ былъ обнаруженъ телефонъ.

На допросѣ фермеръ сознался, что нѣмцы предупредены имъ о выступленіи русскихъ.

Рота, захвативъ старика, измѣнила маршрутъ и благополучно избѣгла заставы.

Фермеръ былъ переданъ въ распоряженіе военно-полевого суда, а Д. представленъ къ награждѣ.

НОВОСТИ ШПИОНСТВА.

На-дняхъ вънулся въ Петроградъ прис. пов. Г. Я. Г.-ъ, прѣхавшій въ Брюссель въ день объявленія войны и выѣхавшій оттуда наканунѣ вступленія нѣмецкихъ войскъ въ Брюссель.

Онъ рассказываетъ о своемъ пребываніи въ Брюсселѣ много интереснаго.

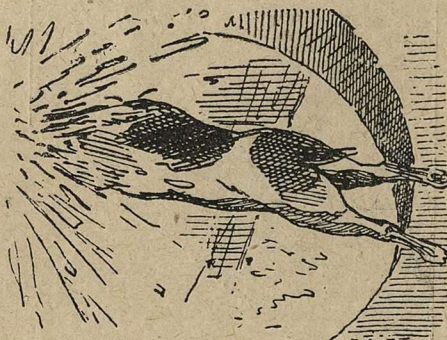
— До войны Бельгія кишѣла нѣмецкими шпионами.

Шпионажъ былъ доведенъ до высокой степени совершенства, и нѣмцы додумались до такихъ вещей, до которыхъ, конечно, никто, кромѣ нихъ, не додумался бы.

Напримѣръ, реклама, которую нѣмцы такъ широко всюду распространяли, служила также для цѣлей шпионажа.

Плакаты съ рекламой о разныхъ нѣмецкихъ товарахъ служили одновременно и указателями весьма цѣнныхъ для нѣмцевъ свѣдѣній, надо было только имѣть ключъ къ ихъ пониманію.

Невинный на видъ плакатъ съ рекламой о какихъ-нибудь сапогахъ или вязаныхъ фуфайкахъ при расшифрованіи его указывалъ, что на этой улицѣ въ такихъ-то домахъ устроены склады съ провизіей, что въ почтовомъ отдѣленіи

Прусская собака-шпионъ, выдрессированная для выслѣживанія нашихъ казачихъ разъѣздовъ.

имѣются или не имѣются деньги, что въ такомъ-то домѣ живетъ лицо, къ нѣмцамъ расположенное, и т. д.

Секретъ рекламъ и ключъ къ ихъ расшифрованію былъ открытъ совершенно случайно.

ЛЕГАЛЬНЫЕ ШПИОНЫ.

Исповѣдь прусскаго шпиона Винделля.

Въ 1886 году,—рассказываетъ Лудвигъ Винделль,—я оставилъ службу въ арміи и, постранивавъ по свѣту, очутился въ Берлинѣ, безъ гроша денегъ.

Я обратился къ президенту полиціи, барону фонъ-Рихтгофену, съ ходатайствомъ о принятіи меня въ отдѣленіе тайной полиціи, но мое прошеніе не было уважено.

Тогда я рѣшилъ прямо обратиться съ письмомъ къ императору. Результатъ получился благопріятный.

Я былъ назначенъ на должность спеціальнаго инспектора уголовной полиціи.

Два мѣсяца спустя, меня перевели въ отдѣленіе развѣдочной службы и, наконецъ, мнѣ было поручено прослѣдить за другими шпионами, надежность которыхъ подверглась сомнѣнію.

Въ это время нѣкій Теофиль, графъ Л..., состоялъ шпиономъ во Франціи на жалованьи у Германіи.

Я прослѣдилъ за нимъ и замѣтилъ, что онъ поддерживаетъ подозрительныя сношенія съ французскими офицерами.

Позднѣе я убѣдился, что онъ служилъ въ иностранномъ легіонѣ французской арміи и шпионилъ въ Германіи на пользу Франціи, хотя за его услуги платила Германія.

Онъ прѣхалъ въ Берлинъ какъ разъ въ то время, когда портной Доу только-что изобрѣлъ одежду, предохраняющую отъ пули, и представилъ свое изобрѣтеніе въ распоряженіе германскихъ военныхъ властей.

Я развѣдалъ, что Л... умудрился добыть кусочекъ этой ткани и собирается продать его Франціи.

Я арестовалъ его; онъ былъ заключенъ въ тюрьму, но генеральный штабъ не согласился судить его, чтобы не узна-

Телефонъ нѣмецкаго шпиона спрятанный въ пчелиномъ ульѣ.

Мы уже сообщали о томъ, что «мирные» германцы, оставшіеся въ занятыхъ нашими войсками областяхъ Вост. Пруссіи, освѣдомлялись своихъ при помощи телефоновъ, спрятанныхъ въ ульяхъ, колодцахъ и проч.

Находящійся сейчасъ въ Петроградѣ раненый рядовой Д., слѣлавшій это открытіе, передаетъ слѣдующія подробности своихъ наблюденій.

Рассказчикъ находился на постой у старика фермера.

Послѣдній по цѣлымъ днямъ возился въ саду, гдѣ у него было нѣсколько ульевъ съ пчелами.

Д. днемъ часто ходилъ въ садъ, но къ пасѣкѣ подходить близко опасался.

Подозрительнымъ ему показалось то обстоятельство, что во всей фермѣ, кромѣ старика, никого другого не было.

Пользуясь свободнымъ временемъ, Д. тщательно осмотрѣлъ всѣ помѣщенія фермы, но ничего подозрительнаго не нашелъ.

Рота выступила изъ деревни ночью. Простившись съ фермеромъ, Д. покинулъ свой пріютъ.

По пути къ сборному пункту вспомнилъ, что въ саду на деревѣ осталась выстиранная имъ наканунѣ рубаха.

Вернувшись на ферму, онъ не нашелъ старика.

Въ книжномъ складѣ журнала „20-й ВѢКЪ“.

ПЕТРОГРАДЪ,

7-я Рождественская улица, домъ № 30,

и также у всѣхъ газетчиковъ столицъ и провинціи, на пристаняхъ
и во всѣхъ кіоскахъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ,

продаются слѣдующіе роскошно-иллюстрированные сборники

въ многокрасочныхъ обложкахъ:

1. Нѣмецкія звѣрства. Памятка для русскихъ людей съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ звѣрствъ, учиненныхъ нѣмцами надъ мирными русскими гражданами.
2. Кайзеръ Вильгельмъ въ анекдотахъ и нѣмцы въ каррикатурахъ. Сатирическій сборникъ, безжалостно осмѣивающій нѣмцевъ во главѣ съ ихъ клоуномъ-кайзеромъ. Составилъ Ясновидащій.
3. Наша союзница Франція. Этнографическій очеркъ, дающій возможность каждому ознакомиться съ жизнью великаго французскаго народа. Масса иллюстрацій. Ноты „Марсельезы“.
4. Наша союзница Англія. Этнографическій очеркъ, подробно знакомящій съ современнымъ состояніемъ, бытомъ и военно-морскою мощью Англіи. Массы иллюстрацій.
5. Русскіе военные анекдоты. Историческіе и современные. Съ портретами и множествомъ рисунковъ.
6. Русскій солдатъ, его отвага, добродушіе и юморъ, проявленные въ войнѣ 1914 года. Со множествомъ рисунковъ. Составилъ Альбіоновъ.
7. Шпіоны и шпіонки. Захватывающе-интересные рассказы, очерки и разоблаченія тайнъ военнаго шпіонажа непріятельскихъ странъ. Множество любопытнѣйшихъ рисунковъ. Составилъ Альбіоновъ.
8. Непріятель въ анекдотахъ и каррикатурахъ. Сатирическій сборникъ, безжалостно осмѣивающій представителей германской и австрійской армій. Со множествомъ каррикатуръ лучшихъ русскихъ, французскихъ, англійскихъ и бельгійскихъ художниковъ.
9. Палачи и мародеры. Послѣднія звѣрства нѣмцевъ и австрійцевъ въ Сербіи, во Франціи и Бельгіи. Со множествомъ рисунковъ.
10. Русскій офицеръ. Его героизмъ, находчивость, братское отношеніе къ солдату и юморъ. Со множествомъ рисунковъ.

— < Цѣна cadaго сборника 10 коп. > —

Желающіе получить изъ конторы журнала „20-й ВѢКЪ“ по почтѣ заказной бандеролью, высылаютъ три 7-ми коп. почтов. марки за каждый сборникъ. Наложнымъ платежемъ сборники не высылаются.